

Василий Брусянин

Мой дядя

Василий Васильевич Брусянин

Мой дядя

Серия «Опустошённые души»

Аннотация

«Дядя очень любил меня, и, вероятно, благодаря этому, мне так скучно и жилось в его обширном господском доме. Уж очень он заботлив был и предупредителен, ревностно охранял меня от всяких соблазнов жизни и даже интересовался тем, куда я расходую свои карманные деньги, которые присылались мне из деревни отцом.

Но, несмотря на это, я любил дядю. Мне нравилось его открытое лицо, с ясными тёмно-голубыми глазами, с тёмными с проседью усами, слегка закрученными, и с тёмной бородкой. И голос дяди был приятный, ровный и вкрадчивый, и его улыбка весёлая и непринуждённая...»

Содержание

I	4
II	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Василий Брусянин

Мой дядя

I

Дядя очень любил меня, и, вероятно, благодаря этому, мне так скучно и жилось в его обширном господском доме. Уж очень он заботлив был и предупредителен, ревностно охранял меня от всяких соблазнов жизни и даже интересовался тем, куда я расходую свои карманные деньги, которые присылались мне из деревни отцом.

Но, несмотря на это, я любил дядю. Мне нравилось его открытое лицо, с ясными тёмно-голубыми глазами, с тёмными с проседью усами, слегка закрученными, и с тёмной бородкой. И голос дяди был приятный, ровный и вкрадчивый, и его улыбка весёлая и непринуждённая.

Когда-то в молодости дядя собирался жениться, но этого почему-то не случилось, и он остался старым холостяком. Дядя ничем не занимался и жил, что называется, на широкую ногу барина, получая полную пенсию «действительного статского» и изрядную сумму ренты, которая два раза в год привозилась ему из деревни управляющим. Он пользовался хорошей репутацией среди дворянства, несколько раз был избираем в предводители, но почему-то всегда отказывался

от этой чести.

Жили мы в губернском городе.

Большой одноэтажный дом дяди, выстроенный во вкусе старины, но отделанный внутри и снаружи заново, красовался на главной улице города и своим внешним видом отличался от соседних домов, лицевой фасад которых сверху донизу был увешан вывесками различных магазинов и лавок. На воротах дома дяди была только одна скромная дощечка, на которой золочёными буквами были пропечатаны: чин, имя, отчество и фамилия владельца.

Комнаты, где мы с ним обитали, были прекрасно обставлены, а для губернского города даже роскошно.

Не часто бывали у дяди гости, и карточный спорт не находил приюта в его доме, но всё-таки иногда у нас было илюдно, и шумно, особенно, в дни рождения и именин дяди или осенью, когда в губернский город съезжались земские гласные, в числе которых состоял и дядя. Знакомые не любили дядю за его равнодушие к картам, благодаря чему он прослыл даже за скупого, а Прокофий Андреич, старичок, проживавший в доме дяди в качестве «приживальщика», объяснил мне, что раньше дядя очень увлекался картами, но, проиграв в азарте целую деревню, проклял «зелёное поле». Многие проклинали дядя, начиная с мужиков, которые будто бы вечно обманывали его, и кончая земскими гласными, которые, по его словам, «собираются, порют какую-то чушь и выдумывают какую-то мужицкую голодовку,

недороды и т. п. вздор».

Проклинал дядя и женщин, хотя, по словам того же Прокофия Андреича, большим охотником был до женского пола, особенно в дни юности, когда ещё была на свете «дворня».

На улице дядя появлялся не иначе как в экипаже, запрятанном парюю вороных рысаков, а для меня им была приведена из имения сивая пятнадцатилетняя опоённая лошадь, на которой я, обыкновенно, очень медленно тащился в гимназию и потом так же медленно возвращался домой.

Помнится, на последнем курсе своей *Alma mater*¹ я имел особенные причины быть недовольным моим заботливым родственником. Его отношения ко мне втайне я называл гнётом, а самого дядю – угнетателем. В это время я кое-что уже прочёл, особенно увлекаясь Боклем и Прудоном, Писаревым и Шелгуновым. Много слышал о «принципах», о «праве человека», о «свободе», и в среде товарищей у нас были излюбленные слова: «прогресс» и «эволюция». На этой почве у нас с дядей были постоянные споры и несогласия. Он проклинал и Бокля, и Прудона, Писарева называл мальчишкой, а мне советовал больше обращать внимание на учебники.

Кроме меня, дяди и приживальщика Прокофия Андреича, в доме жили: Марфа Ильинична, экономка, старушка с косыми глазами и тихим голосом; кучер Степан, мужик лет 50, рыжеволосый, с дряблым лицом и грубым голосом; кухарка за повара Василиса, дебелая баба, с красным лицом

¹ Буквально «благая мать», эпитет родного учебного заведения.

и руками, курносая и «моргослелая», как её называли, и горничная Дуняша.

Дуняша была миловидная девушка лет 25, высокая и стройная брюнетка, с тёмными лукавыми глазками, смуглым цветом лица, отчего походила на цыганку, с чуть-чуть вздёрнутым носиком и толстенькими губами, всегда полуоткрытыми и всегда алыми. Одевалась она опрятно и даже франтовато, что особенно нравилось дяде; волосы помадой не мазала, за воротами с прочей прислугой компании не водила и семечек не грызла, что делали и Василиса, и Степан.

Дуняша была довольно заметным членом нашей семьи. Она чаще других появлялась в господских комнатах, распоряжалась временем обеда и ужина и вообще давала тон. Правда, и Марфа Ильинична почти всегда слонялась по комнатам и даже жила на чистой половине дома, но я не любил эту ворчливую, шамкающую старуху. От неё веяло могилой, а Дуняша была сама жизнь, сама молодость. Дядя почти игнорировал экономку, но зато всегда был в восторге от её экономических хозяйственных распоряжений.

Место в доме, которое занимал Прокофий Андреич, было какое-то особенное, как будто сверхштатное. Жил он на чистой половине, помещаясь в крошечной комнатке, рядом с двумя комнатами Марфы Ильиничны. В столовой, в кабинете или в гостиной Прокофий Андреич появлялся только по зову дяди. Появляясь, останавливался у притолки и, когда дядя приглашал его сесть, опускался на кончик стула, скла-

дывал на коленях руки, слушал внимательно и отвечал почитительно.

Чаще всего дядя и Прокофий Андреич беседовали о прошлом, а вспомнить им было что, потому что они оба были одних лет, родились в одной и той же усадьбе. С юных лет «Бурмистров Прошка», как звали тогда Прокофия Андреича, и дядя были неразлучны, вместе развлекались вольной жизнью, а когда выросли и перебрались в город, один другого также не покидал. И дядя всегда говорил старику:

– Вместе, Прокофий, пожили, вместе и умрём.

На такое замечание Прокофий Андреич, склонный побалагурить, обыкновенно отвечал одной и той же фразой с усмешечкой:

– Хи-хи!.. Барин... Лежать-то только придётся в разных местах... У вас, вон, фамильный склеп на Богородицком кладбище, а уж я-то где-нибудь там, в задних аллеях-с...

– Ну, полно, и тебе место будет!..

– Нет уж, где же... Братец ваш, Игнатий Николаич, недолюбливают меня, да и сестрица-то Анна Николаевна...

При таких разговорах Прокофий Андреич не на шутку грустил, а дядя, не любивший вообще разговоров о смерти, задавал какой-нибудь вопрос, относящийся к прошлому. И изумлявший всех своей памятью, Прокофий Андреич начинал излагать события в строгой последовательности, пестря свои рассказы именами умерших людей, цифрами лет и другими подробностями.

В таких беседах они иногда проводили целые часы. Вообще, между дядей и приживальщиком была крепкая связь и солидарность, и только в одном пункте они не сходились. Прокофий Андреич был человек богомольный и почти каждый день бывал в церкви, а дядя, напротив, в церковь не ходил, бранил духовенство, отчего приживальщик впадал в уныние и старался не затрагивать тем о духовенстве.

Ко мне Прокофий Андреич относился с должным почтением, за глаза же называл «взбалмошным мальчишкой», следил за моим поведением и обо всём докладывал дяде. Причину этого надо было искать, конечно, в том обстоятельстве, что приживальщик не любил моего отца, того самого Игнатия Николаича, который, по уверению самого Прокофия Андреича, не допустит, чтобы холопский прах «упокоился» в фамильном господском склепе.

II

Наблюдая эту жизнь изо дня в день в продолжение нескольких лет и привыкнув к существующим взаимоотношениям, я долго не мог понять многих тонкостей нашей жизни, и только уже потом, лет в 16–17, многое стало для меня ясным.

Прежде всего, одно важное обстоятельство остановило моё внимание. Я стал замечать, что дядя уж особенно тщательно старался разъединить меня и Дуняшу, очевидно, страшаясь за дурное влияние на меня со стороны прислуги. Спаси Бог, бывало, чтобы Дуняша осмелилась войти в мою комнату, когда я дома, и убирать её мне приходилось самому, за исключением тех случаев, когда этим делом занимался, по приказанию дяди, Прокофий Андреич.

Поясняя такое установившееся правило, дядя говорил так:

– Вот что, племяш, хотя мы с тобою и дворяне, и помещики, и не нуждаемся, – на рысках ездим, а всё-таки... того... руки у тебя не отвалятся, если ты сам уберёшь свою комнату... Это, знаешь, даже полезно: моцион, брат, упражнение мышц... Засидишься ты за своей латынью, а потом возьми в одну руку тряпку, в другую щётку, да и примись стирать пыль да подметать, мозги-то и отдохнут...

Я был вполне согласен с дядей и неукоснительно испол-

нял его завет, да и самому мне нравилось это невинное физическое упражнение. По утрам, перед уходом в гимназию, я подметал свою комнату, а вечером, между делом, брал в руку тряпку и принимался перетирать столы, этажерку, книги, окна и свою старинную виолончель, которой я тогда сильно увлекался.

В то время, пока я сидел за уроками, дядя обыкновенно сидел у себя в кабинете, занятый проверкою каких-нибудь счетов или книг по хозяйству, или углубляясь в своё любимое занятие. В продолжении нескольких лет он собирал коллекцию марок, а их у него было бесчисленное множество. Он собирал марки везде, где мог: у знакомых, скупал в присутственных местах и частных квартирах, но главным поставщиком марок у него был репортёр местной газеты. Мне всегда казалось, что даже и переписку-то свою дядя ведёт только ради того, чтобы увеличивать свою коллекцию, потому что я никак не мог представить, чтобы кому-нибудь из заграничных людей было бы интересно переписываться с моим дядей, а переписку он имел обширную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.